

МАСТЕР

ГО

ИГОРЬ ГРИШИН

2009

Го учит видеть!

Игорь Гришин

Мастер Го

«ИП Емельянов»

2009

Гришин И. А.

Мастер Го / И. А. Гришин — «ИП Емельянов», 2009 — (Го учит видеть!)

«Мастер Го» – роман из серии «Го учит видеть». Главный герой книги – москвич, увлекшийся новым знанием. В свободное от работы время он летает на самолёте в маленький город, где проходит довольно загадочное обучение под руководством человека, которого он называет Учитель. Учитель обучает Игоря игре Го. Благодаря усилиям главного героя читатель знакомится с целостной и мощной традицией. При чтении книги не покидает ощущение живой передачи. Книга ориентирована на самый широкий круг читателей. Он в ответе за тех, кого увидел!

© Гришин И. А., 2009

© ИП Емельянов, 2009

Содержание

В берлоге видения	6
Условие игры	10
Правила Го	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Игорь Гришин

Мастер Го (The Lord of Go)

В. С. Л.

А. Е. Б.

С. А. М.

К. Э. В.

Товарищу У

Посвящаю эту книгу.

Выражаю отдельную благодарность

Михаилу Емельянову,

соавтору многих моих книг.

Я шёл по тропам своей любви, и моё сердце заходило от ностальгии. Оно почти остановилось. Если бы я был один, то не выдержал бы его порывов. Когда нибудь оно разорвётся на куски, и я умру. Умру как все – от острой и бесконечной любви. Ибо я слишком сильно люблю Землю, по которой иду. Так нельзя! Это я точно знаю.

Игорь Гришин, Остоженка, 2009 год

Главный герой книги – москвич, увлекшийся новым для себя знанием. В свободное от работы время он летает на самолёте в маленький город, где проходит довольно странное обучение под руководством человека, которого он называет Учитель. Учитель Игоря – пожилой человек, который раньше работал слесарем. Они ходят на прогулки, разговаривают, посещают пещеры, другие туристические и нетуристические места. Учитель обучает Игоря игре. Она имеет особые правила. Описание самой практики достаточно расплывчатое. Учитель Игоря – не маг, не экстрасенс, как сейчас модно говорить. Возможно, что этот человек действительно занимается или занимался в прошлом некими восточными интеллектуальными практиками. В частности в книге упоминается искусство Го, которое, скорее всего, является известной многим японской игрой го. По крайней мере, совпадения описаний очень похожи. Учитель Игоря рассказывает об этимологии этого слова. Однако, к сожалению, это выглядит скорее натяжкой. Надо сказать, что японская игра го известна в нашей стране. В эпоху СССР по ней проводились соревнования вплоть до всесоюзных, а упражнения по этой игре публиковались в популярном журнале тех лет «Наука и жизнь». Странно, что автору об этом ничего не известно. После перестройки количество людей, играющих в го, сократилось более чем на 90 процентов. Вообще, сомнительно, чтобы в игре го существовал пласт культуры, подобный описанному в книге. Здесь, скорее всего, не обошлось без авторского вымысла. Что, в общем то, простительно, так как книга получилась достаточно увлекательной. Да! Хотелось бы напомнить читателю, а также автору о книге Германа Гессе «Игра в Бисер», в которой также упоминается некая игра, как совершенная практика, соединяющая в себе многое из того, что мы понимаем под искусством¹.

¹ Здесь и далее примечания Ольги Грудь, выпускающего редактора издательства «Готовая книга».

В берлоге видения

В этой главе рассказывается о том, как Игорь попадает в сырую и тёмную пещеру и о том, что он видит в ней.

При входе было слякотно, а в самой пещере сыро и холодно. Слово «стыло», наверное, замещает оба эти понятия. Учитель долго вёл меня тёмным ходом, в конце которого мы поодиночке еле втиснулись в узкий проход. Он стоял чуть выше меня на круглом мокром камне. Через какое то время он погасил фонарик, тускло освещавший нам путь, и мы остались в полной темноте. Постепенно мои глаза стали различать его силуэт.

– Что это за место? – вполголоса спросил я Учителя.

– Это особое место, – уклончиво ответил он, – здесь учат видеть.

– Кто учит? – спросил я.

– Говорить об этом не принято, – он отвернулся, и посветил фонариком на что то невидимое для меня.

– Но, – Учитель понизил голос, – ты знаешь, что мы называем его Го.

– Го? – переспросил я. – Кто это? И кто это – мы?

– С тобой всякий раз приходится разговаривать как с чистого листа, – посетовал он.

– Все, кто был до тебя, до нас, ходили в эту пещеру. Всё, что я знаю об этом, я знаю от них, либо увидел здесь.

– Как учат видеть? – спросил я после небольшой паузы.

– Это невозможно объяснить словами, – ответил он. – Думаю, ты сегодня сам всё поймешь.

Мы помолчали. В пещере было совершенно тихо. Я попытался осмотреться, но меня окружал полный мрак. Я решил немного протиснуться вперёд.

– Стой на месте! – Учитель поймал меня за руку. – Го уже видит тебя. В пещере действует его сила. Нам следует сохранять покой. Покой и тишину. Иначе эта сила истощит тебя без остатка!

– Что это за сила? – спросил я его, и мой голос неестественно дрогнул.

– Говори тише, – прошептал он в ответ. – Это особая сила. Она может доставить тебе радость, а может убить. С её помощью Го охраняет входы в пещеру.

– Послушай, а как выглядит Го? Ты видел его? – спросил я шёпотом.

Учитель молчал, как будто прислушиваясь к чему то. Или он просто не хотел отвечать мне. Я слегка дотронулся до его рукава.

– Го никто не видел, – сказал Учитель. – Но Го видит всех. Сейчас он видит нас, и ты получишь от него свой первый урок.

– Чему он будет меня учить? – с волнением спросил я.

– Урок Го непредсказуем... – процедил Учитель в ответ, смотря в самый тёмный угол пещеры.

– Это как то связано с каменной сеткой? – попытался продолжить я. Однако Учитель прервал меня ощутимым толчком, и прошептал сквозь сомкнутые губы:

– Молчи и смотри!

Я уставился в темноту. Мои глаза не воспринимали ничего. Я хотел сказать Учителю, что ничего не вижу. Однако я не успел этого. Неожиданно я заметил очень тусклое пятно света. Свечение было на уровне моих глаз и напоминало свет от очень слабой керосиновой лампы, зажжённой где то передо мной. Свечение постепенно стало чуть ярче. Возможно, это была галлюцинация от долгого пребывания без света. Я уже хотел спросить об этом Учителя, как вдруг в световом пятне появилось другое пятно красноватого оттенка и тут же другое в зеле-

ном тоне. Я забыл о своем вопросе и начал пристально вглядываться в эти новые образования в пятне света. Я заметил, что они начинают менять свою яркость. Часть одного из пятен стала белеть и приобрела синеватый оттенок. Теперь свечение можно было разделить на четыре разных пятна: красное, зелёное, желтое и синее. Свечение в этих пятнах не было равномерным. Можно было увидеть четыре полюса, в которых свет был ярче. Эти полюса как бы пульсировали, меняя свою яркость и насыщенность. Ритм этих пульсаций действовал на меня успокаивающе. Я совершенно увлёкся этим удивительным зрелищем. Неожиданно моё созерцание было прервано. Поначалу я даже не понял, кто и что мне говорит. Однако это был Учитель.

– Смотри! – услышал я его шёпот. – Постарайся увидеть глаза!

– Глаза? – переспросил я. – Какие глаза? Чьи глаза? Где глаза?

– Глаза Го, – прошептал он.

– Но я ничего не вижу, не вижу никаких глаз, – сказал я, усиленно рассматривая переливающееся светом разноцветное пятно.

Невольно я оторвал взгляд от видения и огляделся. Пещера была освещена. Теперь я мог отчётливо разглядеть лицо Учителя, который стоял рядом со мной. Его глаза блеснули. Я даже мог видеть неровные стенки пещеры. Пятно света продолжало переливаться и пульсировать.

– Четыре цвета, которые я видел сейчас, – спросил я вновь, – они как то связаны с четырьмя углами на каменной сетке?

– Возможно... – Учитель недоверчиво смотрел на меня.

Похоже, что он не ожидал от меня такого вопроса.

– Сейчас не думай об этом, постарайся увидеть глаза! – повторил он.

Какое то время я продолжал бороться со своими мыслями и вопросами, переполнявшими меня, но по прежнему продолжал вглядываться в светящееся пятно и даже заметил справа от него другое тёмное пятно. Я решил спросить Учителя, что это за второе тёмное пятно.

– Я вижу справа от свечения тёмное пятно. Что это? – спросил я.

– Это один из входов в пещеру.

– В какую пещеру?

– В пещеру Го. Мы стоим в самом начале пути.

Мне почему то вспомнились девять точек, обозначенных на каменной сетке. Эти девять точек давно не давали мне покоя. Быть может, эти точки перекрёстки как то связаны с входами? Являются входом в сетку? Какова история их появления? Я задумался над этим, и на миг выпал из состояния внимания. Неожиданно я заметил, что свечение прекратилось, и мы вновь стоим в совершенной темноте. Я даже вздрогнул от неожиданности. Учитель повернулся, включил фонарик и молча пошёл к выходу. У меня в голове роилась туча вопросов. Связано ли это свечение с четырьмя углами и что означает пульсация света? Что за глаза я должен был увидеть? Кому принадлежат эти глаза? Кто такой Го? Это человек, дух или воображаемая сущность?

– Учитель, я видел пятно света с четырьмя разноцветными полюсами. Что это было? – спросил я после продолжительного взаимного молчания.

– Го учил тебя видеть, – коротко ответил он.

– Но я не видел никакого Го! Мне кажется, то, что я видел, как то связано с сеткой и возможно – с четырьмя углами древних. Но я не понимаю... У меня такое странное чувство, как будто я видел намного больше, чем видел. То есть я хочу сказать, что я видел что то, что не могу описать. Что за глаза я должен был увидеть? Чьи это глаза? Учитель, почему Вы уверены, что я видел Го? Я ничего подобного не видел!

– Ты слишком сосредоточился на световом пятне, – помолчав, сказал Учитель. – Глаза находятся между световых пятен, среди них... Глаза в пустоте. – Учитель поднял указательный палец вверх, намекая, что сказал что то важное. – Ты не увидел главного, но ты и так видел

много, – продолжил он. – Го учил тебя видеть. И это был твой первый урок. Ты самостоятельно заметил, что видел нечто большее. Скрытая часть урока – самая важная.

– Но я ничего о ней не помню! Какой в ней тогда смысл? – воскликнул я.

– На то, чтобы вспомнить весь урок, иногда нужны годы, – холодным тоном проговорил он. – Возможно, что ты никогда не сможешь вспомнить и осознать этого до конца.

Это достаточно красивое место. Деревянный мост, который не сносит паводок. Стол и скамьи. В ущелье звенит поток, а вокруг стоят молчаливые вековые сосны.

– Скажи, а чему Го учит тебя? – спросил я, когда мы вернулись в горную хижину Учителя.

Эту хижину пещеру он нашёл сам. Он нашёл её много лет назад выше того места, где туристическая тропа делает резкий поворот и переходит на другой борт ущелья. Это достаточно красивое место. Деревянный мост, который не сносит паводок. Стол и скамьи. В ущелье звенит поток, а вокруг стоят молчаливые вековые сосны. Меня всегда смущало в этом месте только одно. А именно – несколько костровищ, заваленных обожжёнными консервными банками. Я считаю, что в таких местах стоит обходиться одним костровищем, а не размножать их вокруг. Да и банки лучше всего уносить с собой, а не складывать из них кучи. Поток берёт начало метрах в двухстах. Он начинается ниоткуда, и сразу выглядит достаточно мощно. Выше по склону тропы нет. Да и идти там особенно некуда. Между валунами, засыпанными толстым слоем опавших листьев, торчат сухие ветки буков. Слой листьев настолько глубок, что иногда можно провалиться по колено. И всего в сотне метров выше по склону находится его хижина. Это старый выход воды. Когда то она шла отсюда, а потом в силу каких то причин начала бить ниже. Он оборудовал вход в эту пещеру хижину сверху. А сверху по этому ущелью никто не спускается, потому что выше идут только отвесные скалы. Да и не увидишь так сразу этот вход. Мне всегда было здесь очень уютно и спокойно. Эта пещерка даже продолжается вглубь скалы, и там, в конце небольшого прохода, есть даже маленький сталактит. Учитель хранит в ней некоторые вещи, необходимые для внезапной ночёвки. Хотя, как я узнал впоследствии, он не любит ночевать в горах, и делает это только в случае крайней необходимости.

– Хм... – Учитель задумался. Чувствовалось, что он недоволен моим вопросом. – Я не могу тебе рассказать об этом.

- Но ведь Го и тебя учит видеть? – спросил я вновь.
- Да. Скорее всего, можно сказать и так. Го учит меня видеть, – ответил он.
- Но что именно ты видишь, когда видишь? Свет?
- Я не могу тебе объяснить... – Учитель говорил медленно, как бы подбирая подходящие слова. – Это невозможно с помощью тех слов, которые используешь ты. Невозможно.
- А ты можешь показать это на сетке? – спросил я и сам удивился своему вопросу. Как будто его задал не я, а кто то другой во мне. Учитель удивлённо посмотрел на меня.
- Откуда ты знаешь, что на сетке можно показывать такие вещи? – спросил он с ноткой глубокого недоверия.
- Я оказался застигнут его вопросом врасплох. Более того, я не знал на него ответа.
- Наверное, меня этому научил Го? – проговорил я неуверенно.
- Хм... – Учитель задумался. – Если Го научил тебя этому... Эти световые пятна, что ты видел... Кажется, он задумался.
- Что за световые пятна? – мне не терпелось услышать ответ.
- Каменная сетка и четыре угла – это очень древнее знание. Древний язык, корни которого утеряны. – Учитель поджал ноги и пошевелил сухой спирт в очаге. – Я могу показать тебе несколько видений с его помощью. Но ты всё равно не поймёшь. – Учитель покачал головой, как бы проговаривая про себя своё отрицательное заключение обо мне.
- Покажи мне их, пожалуйста! Я попробую понять! – я умоляюще посмотрел на Учителя.
- Я чувствовал, что ключ к разгадке четырёх древних углов очень близок.

Условие игры

В этой главе Игорь рассказывает об офтальмологе Мулдашеве, и наводит Учителя на рассказ о глазах. Он узнаёт, что именно глаза являются необходимым условием для продолжения Игры. Наконец Учитель начинает учить Игоря основам. Однако эти основы тонут в общих словах, и их довольно трудно вычленишь из диалогов героев. Антропологические высказывания Учителя Игоря трудно комментировать. Скорее всего, они противоречат выводам официальной науки.

– Предлагаю сегодня поговорить о глазах, – неожиданно сказал Учитель светлым воскресным утром, когда мы расположились с ним на привале примерно в восьми километрах от его городской квартиры. Мне очень нравилось это время года – ранняя весна. В это время в горах стоит чудесная прозрачная погода, и по всем тропинкам на этой, южной стороне гор, растёт длинный изумрудный мох. Несмотря на то, что мы находились так близко от города, город совершенно не ощущался. Не ощущался до такой степени, что можно было сказать – не существовал.

– Что о них говорить! – рассмеялся я, разомлев на весеннем солнышке, – мы же не офтальмологи как Мулдашев.

– А кто такой Мулдашев? – спросил меня Учитель.

– Врач, офтальмолог. Нашёл древние глаза и показал их людям, – объяснил я голосом взрослого.

– Где он их нашёл? – Учитель странно посмотрел на меня.

– Они были нарисованы прямо на храме, – ответил я, испытывая внутреннее удовольствие от собственной осведомлённости.

– Одни глаза, нарисованы, больше ничего?

– Да, одни глаза, – подтвердил я.

– И кому он их показал? – спросил Учитель.

– Как кому?! Монахам, которые были внутри, – рассмеялся я, – потом другим монахам, из других монастырей. На этих монастырях тоже были нарисованы эти же глаза.

– И что, монахи сами не видели, этих глаз? – удивился Учитель.

– Возможно, и видели, – объяснил я, – но могли не придавать им значения. А Мулдашев привлёк к ним внимание. Расспросил, а затем опубликовал их рассказы в своих книгах.

– И ты думаешь, что этот человек серьёзно разбирается в глазах? —

Учитель недоверчиво покачал головой.

– Он всемирно известный специалист, – не терпящим компромиссов голосом заметил я. – И потом, он много путешествовал по Тибету, искал шамбалу и город Богов. И говорят, даже нашёл его. Ты, кстати, слышал чтонибудь о шамбале? – я вопросительно посмотрел на Учителя.

– Глаза – это древнее знание, – продолжил он, как будто не услышав моих слов. – Ты, конечно же, знаешь, как человек видит?

Я на мгновение задумался, и понял, что хоть и имею об этом представление, но достаточно расплывчатое. Попасть впросак в таком «детском» вопросе совсем не хотелось.

– Конечно, знаю! – уверенно ответил я. – Но в таких важных вопросах всегда полезно разобраться глубже. Не мог бы ты мне это всё коротко объяснить? – спросил я с надеждой, что Учитель не раскусит мой трюк.

– Хорошо, я объясню тебе это важное знание, – Учитель кивнул головой, – а ты мне расскажешь про этого человека, Мулдашева. Учитель помолчал немного, будто собираясь с мыслями. А затем начал говорить:

– Глаз подобен зеркалу, который отражает свет. Думаю, это не вызывает у тебя серьёзных возражений? Я кивнул в знак согласия с его словами.

– Лучи света, падающие на предметы и отражённые от них на глаз, становятся видимыми. Так мы видим окружающий нас мир – через его отражение. Всё, что мы видим – это отражение, – Учитель замолчал и посмотрел на меня, видимо, отслеживая, успеваю ли я следовать за его мыслью. – Но есть ещё лучи, которые отражаются и от нас. Тот, кто принимает их на себя, может нас видеть. Упрощенно это выглядит так... Он нарисовал небольшой рисунок.

– Видишь на рисунке дерево, глаз и источник света? Без третьей точки, излучающей свет, видеть невозможно.

– Но это же – очевидные вещи! – воскликнул я.

– Очевидные, не спорю, – он недовольно покачал головой. – Мы начали с простого, и теперь приближаемся к сложному. Третья точка, излучающая свет, может находиться и снаружи и внутри тебя. Если она находится внутри, то для того, чтобы видеть, не нужен внешний свет. Тогда можно видеть всё.

– Это как? – теперь я явно не поспел за полётом его объяснения.

– Я не могу объяснить тебе, как это происходит. Могу лишь сказать, что этому можно научиться. И в этом состоит первая задача учения. Если ты можешь видеть, то ты игрок. То, что ты видишь или тот, кого ты видишь – и есть предмет твоей игры. Без видения игра невозможна. Она перестаёт быть живой игрой и становится механическим движением по чужому лекалу.

– А если я ничего не вижу? – спросил я, удивившись своему вопросу. – Наверное, это неточный вопрос... – я попытался исправить положение.

– Если ты не видишь, то ты играешь по чужому лекалу. Например, по лекалу мрака, – невозмутимо продолжил Учитель. – Это очень опасная игра, подобно тому, как гулять в городе с повязкой на глазах. Глаза – это не только приёмник света, но и его передатчик.

– Зеркало души? – пробормотал я про себя, вспомнив банальный афоризм.

– Зеркало, но и при этом – источник света. Правда, этим светом нужно ещё овладеть.

– В каком смысле овладеть? – я всё меньше понимал наш разговор.

– В том смысле, что ты либо владеешь собой, либо тобой владеет всякий, кому не лень. Тогда ты зависишь от внешнего, от чужого. Как работает обычное зрение? Есть свет – есть зрение, нет света – нет зрения.

– Но разве может быть иначе?

– Может? – Учитель удивлённо посмотрел на меня. – Я же только что говорил тебе о внутреннем свете, который делает возможным видение.

– Ну да, всё верно... – я попытался собрать свои мысли в кулак.

– Играть можно, только используя глаза.

– Понятное дело, – разговор перешёл в новую фазу упрощения, и я почувствовал себя увереннее.

– Но глаза сначала нужно найти, – Учитель внимательно посмотрел на меня. – Глаза нужно искать, и найдя их – оберегать.

Настал вечер. Мы отведали очень вкусный суп, который он сварил на родниковой воде. Я сидел, привалившись спиной к кухонной перегородке в его городской квартире. Сегодняшний день так много поднял во мне всевозможных эмоций, что я чувствовал себя одновременно и опустошённым, и разобраным на части. Мои щёки горели. Это была реакция на кислород. Какая то мысль казалось потерянной. Я никак не мог её отыскать, но и успокоиться по её поводу тоже не мог. Что то не давало мне покоя. Было такое чувство, что я что то потерял. Упустил. Уронил в колодец. Важное, скрепляющее. Работал проектор, витрина светилась электрическим светом. Она походила на аквариум, в котором вместо рыб плавали, лежали и стояли камни. Камни. Мысль о камнях продвинула что то внутри меня. Протолкнула. Но это что то опять застопорилось.

Учитель сначала был на кухне, а потом вышел, когда ему позвонил кто-то из соседей. Для своих соседей он был обычным человеком. Обычным человеком с золотыми руками. Он мог помочь в любом деле. И он редко отказывал тому, кто жил по соседству с его миром. Учитель мог вернуть свет, когда свет тух во всём подъезде. Самое интересное, что свет появлялся даже тогда, когда его при этом не было в городе. Один раз я спросил его, как ему удалось дать в подъезд свет, если его нет нигде вокруг, и дома до самого подъёма стоят тёмными. У меня установлен специальный аккумулятор, объяснил он тогда, его вполне хватает на час бесперебойной работы.

Если кому то из соседей был нужен болт или ключ на тринадцать, Учитель выдавал им этот предмет. Я понимаю так, что он сделал свои отношения с соседями частью своей практики. А всё, что он делал частью своей практики, исполнялось им творчески и работало безотказно. Мне очень нравились некоторые его истории на этот счёт. Соседи платили ему взаимностью. Уважали и ценили. Мне не доводилось слышать, чтобы кто то из них распускал какие то нелепые слухи, считал его магом или целителем. Все считали его хорошим пожилым парнем, который жил здесь всегда. Тружеником, в прошлом слесарем высшего разряда, способным выполнить любое дело.

Пытался ли он приоткрыть вторую, другую половину своей Вселенной? Это вопрос. Одно я знаю точно, что если он когда либо и пытался, то делал это со свойственной ему одному способностью не привлекать лишнего внимания. Откуда я знаю это? Я слышал от него пару историй, которые можно отнести на сей счёт.

Мне запомнилась очень забавная история о том, как он взял с собой в горы женщину, которая долго просила его об этом. Скажу сразу, что о его походах в горы знали все. Но у него было железное алиби подобных прогулок. Он ходил в горы за водой. Да, именно так. За водой. Чистой ключевой водой из горного источника, пользующегося уважением и почётом округи. А действительно, что можно предъявить пожилому человеку, который не хочет или не может пить воду из трубопровода? И которому врачи прописали пить воду без хлорки? Покупать? А откуда у пенсионера столько денег, чтобы покупать воду? И потом, кто сказал, что покупная вода чистая и настолько же полезная, как вода из родника? Это алиби давало ему возможность ходить за водой регулярно, брать меня на роль носильщика воды, а также таскать с собой разные заплечные мешки, в которых, конечно же, были пустые пластиковые бутылки. А что ещё могло в них быть? В этих заплечных мешках? Кроме пустых пластиковых бутылок?

Да, я собирался рассказать про женщину, которая попросила его взять её с собой. Она работала экскурсоводом. Водила в горы группы и индивидуалов. Конечно, я понимаю, что ей

было интересно, по каким тропам ходит Учитель, и какие места он посещает. Ведь он начал ходить в горы задолго до неё. Задолго до того, как понятие туризм вообще появилось в здешних местах. Поэтому ей были очень интересны его маршруты. Ведь она может потом водить по ним других людей. Людей, которые приезжают сюда из душной, пыльной, переполненной народом Москвы. Людей, которые хотят подняться в красивое и малодоступное место. Посидеть, разжечь костёрчик, попеть под гитару. Она уверена, что он знает множество подобных мест. Он действительно знает множество подобных мест. Но проблема заключается в другом. В том, что в местах, которые посещает он, не только малоллюдно. В них не разжигают костёрчик, не расслабляются и не поют под гитару. Эти места – для другого. Более того, он никого и никогда не водит по таким местам. Ему не жалко. Просто есть открытые, и есть закрытые места. Закрытые места – это места, которые закрыты. Для посещения. Нет, это не заповедник. Впрочем, заповедник начинается в шести километрах от города, но это никого никогда не смущало. Есть заповедники официальные, и есть заповедники настоящие. Они там, куда человек попадать не должен.

Есть заповедники официальные, и есть заповедники настоящие. Они там, куда человек попадать не должен.

Женщина просит. Что делает Учитель? Учитель выжидает, ищет естественные причины для будущего отказа. Но потом берёт её с собой. Конечно, он берёт её с собой. Потому что дольше отказывать подозрительно. Неправильно. Она слишком настаивает. Слишком хочет пойти с ним. Она давно хотела посмотреть места, по которым он ходит за водой. Он берёт её с собой, и они идут в горы. Он ведёт её через лес, так как он не знает, что такое тропинки и вообще никогда не пользуется тропинками. Мы то знаем, почему сегодня он не пользуется тропинками. Тропинка – это нить Ариадны. По тропинке можно прийти не только один раз, но и второй, третий. Любое количество раз. Тропинки есть повсюду. Они есть в самых закрытых местах. Кто протоптал их там? А ведь действительно, даже там их кто то протоптал. Я их там протоптал. Протоптал, когда тянулся за Учителем, неся свои сто килограмм. Сто килограмм, не считая багажа. Впрочем, мы отвлеклись. Они уже идут по лесу. Они – это Учитель плюс

Антонина. Так зовут женщину экскурсовода. Она крупная. У неё сильный и громкий голос. Они идут без тропинок, так как Учитель объясняет ей по дороге, почему он ими не пользуется. У него получается очень складно. Слушать его можно непрерывно. Слушаешь, слушаешь. Интересно человек говорит! Прямо невероятно интересно! Заодно он рассказывает ей о змеях. Змеи – это вообще очень интересная тема. Столько энергии в этих существах! Змея может делать себя незаметной. Она может часами находиться в неподвижности, а её окраска точно соответствует тому месту, где она притаилась. Антонина смеется, в здешних местах змей не бывает. Здесь, на южных склонах, нет ядовитых змей. Летом здесь слишком жарко. Слишком сухо. Поэтому змеи не получают достаточного рациона. На южных склонах очень мало насекомых. Другое дело на скатах, обращённых к северу. Там совсем другая влажность, ведь дождевые облака останавливаются перед главной грядой. Разгружаются, а затем уже идут дальше, к морю. Учитель соглашается с тем, что это именно так и происходит. Однако парадокс заключается в том, что на своих маршрутах он встречает змей достаточно часто. Не может быть! Да, именно так. Попадают не только ядовитые, но и совсем редкие твари, которых не встретишь даже дальше к северу. Почему так? Спрашивает он. Может, ему просто везёт на змей? Ведь есть же люди, которым просто везёт на змей. Никому не везёт, а им везёт. Выходит такой человек со своего дачного участка, и, не дойдя десяти метров до автобусной остановки, точно наступая ногой на змею. Это просто какое-то притяжение! Талант. Врождённое чувство. Может быть, запах? Может быть, некоторые люди рождаются с таким запахом, который притягивает змей? Антонина смеётся. Она не слышала про такой запах. А змей встречает крайне редко. На своих маршрутах. Ей водить людей, поэтому змеи ей ни к чему. Она уверена, что путешествие доставит им обоим удовольствие. И обойдется без змей. Одно только смущает её. Сегодня они всё время идут по каким-то кустам. Люди, которых она водит, не очень любят кусты. Они любят живописные склоны. Там, где тропинка вдруг выныривает из под деревьев, и дух захватывает от величественного вида. Одинокие высоченные сосны. Скалы, стоящие прямо посреди леса. Интересно там, где есть обзор, где можно полюбоваться. Сфотографироваться. Устроить стоянку. Ценятся места, где есть вода. Красивые или необычные источники. Гроты. Ещё люди просят показать пещеры. Пещеры – это всегда притягивает.

А кусты? Кусты – это совсем неинтересно. По кустам только клещей набирать. Учитель говорит ей, что это большая удача, что год для кизила очень благоприятный. Она и сама видит, что кизил хорош. Ого! Говорит он. Посмотрите ка, что здесь! Она не видит, но он просит подойти поближе. Всё равно не видно, ей придётся лезть за очками. Это так важно? Да да! Он уверяет, что очень. Очень просит взглянуть. С самой верхушки рюкзака, из под верхней молнии она достаёт мешочек с очками. Да где же? Где? Спрашивает она. Он уже сзади, он уже посмотрел. Он пропускает её вперёд. Он показывает рукой. Теперь её очередь увидеть. Это что то интересное! Вот же, вот! Вот прямо перед Вами! Это трудно заметить, когда ты не видишь. Листья, ветки, она уже внутри куста. Да вот же, говорит Учитель. В десяти сантиметрах перед своими глазами она видит квадратную змеиную голову, не мигая уставившуюся на неё. Крик оглашает лес. Она отшатывается. Её дыхание перехватывает. Идиот! Она связалась с идиотом! Ничего себе розыгрыш! Это не розыгрыш. Учитель сам потрясён. Он пытался показать крупный кизил, который в этом году на месяц обгоняет все сроки. Он никак не ожидал увидеть здесь змею. Да ещё такую страшную, как эта. Змеи, вообще, не любят кизил, да и не сидят в кизиловых кустах. Но впечатление всё равно испорчено. Путешествие придётся заканчивать.

– Медитируешь? – Учитель возвращается, прощаясь с кем-то.

– Что значит – медитируешь?

– Медитация дословно переводится на русский, как размышление.

Его благодарят. Он опять кому-то помог. Кому-то? Его приход помог мне! Я соединил свои мысли. Это именно то. Именно то, что не давало мне покоя! Учитель, научите меня играть в человеческое, настольное го!

- В настольное Го? Зачем тебе?
- Я хочу играть, хочу понять Го и с этой стороны.
- Ты уверен, что тебя хватит на это?
- Да, я совершенно уверен. Я готов к обучению.

Он знает, что я умею учиться. Да, он знает.

- Почему Вы улыбаетесь?

– Нет, я ничуть не улыбаюсь. Кстати, я хотел предложить тебе прогуляться к пещере Видящих. Не хочешь сходить? Кто знает, может быть в этот раз нам снова позволят войти туда? У тебя вроде было много вопросов к пещере, к Го? Ты уже нашёл на них ответы? Тебе больше не надо в пещеру? Если не надо, так и скажи. Я не ожидал, что он так быстро предложит мне прогуляться к пещере. Но сейчас я загорелся другим. У меня появилась версия, что ключи ко многим секретам лежат где то не внутри горы, а внутри игры, которой он без сомнения владеет. Эта игра представлялась мне сначала довольно туманной. И признаюсь, я поначалу не чувствовал от неё ни пользы, ни прока. Я видел в его квартире чаши с камнями довольно странной формы, а также одно или два игровых поля, которые он называл досками. Более того, я даже знал что это японская игра го. Школьником я пытался разобраться с этой игрой по журналу «Наука и Жизнь». Но либо эти публикации были написаны бездарным человеком, либо у меня не хватало мозгов. Игра показалась мне сложной, чересчур надуманной и перегруженной техническими подробностями. Такое же впечатление сложилось и у моего отца, который читал эти публикации вместе со мной. То, что вместо игры Учитель сходу предложил мне прогулку в пещеру, окончательно убедило меня, что я на правильном пути.

- Всё таки прошу начать учить меня игре на доске, – заявил я.

- А с кем ты будешь практиковать? – спросил Учитель.

Не скажу, что этот вопрос показался мне сложным. Как с кем? Со своими друзьями. Какая разница с кем, найду гденибудь людей, знающих про го.

– А как ты будешь практиковать с друзьями, если они не умеют играть? – задал он свой очередной вопрос.

– Как? – переспросил я. – Что значит как? Научу их. И потом я не думаю, что игра сложна. Я думаю, что ты научишь меня быстрее и проще, чем там, где я про неё читал.

– То есть ты будешь учить их игре? – переспросил меня он. – А как ты будешь учить кого то, если сам не умеешь? Или ты считаешь это нормой? Учить кого то, сам не разбираясь в том, чему ты учишь?

Ну вот, началось, подумал я. Опять эти сложности на ровном месте.

– Про практику я тоже не понял, – продолжил он. – Может тебе сразу стоит найти «этих людей», с которыми ты собираешься практиковать, и пусть они учат тебя Го и вообще всему тому, чему ты хочешь научиться?

Он помолчал, чтобы я мог разжевать произнесённое им. Я разжевал, но не скажу, что оно понравилось мне на вкус.

– Я задаю тебе правильные вопросы, – продолжил он, оценив выражение моего лица. – И слушаю твои ответы. Они говорят о твоей жизненной схеме. И она кажется мне очень подозрительной. Ты рискуешь ничему никогда не научиться, находясь под властью этой схемы. Стяжание и профанация – вот те основные черты, которые она будет формировать в тебе. В итоге ты превратишься в неприятного типа. Уверен, ты встречал таких. Но я не хочу, чтобы ты превращался в него на моих глазах. Помни, сначала меняются мысли, потом меняется выражение лица, а потом – само лицо. Я могу помочь тебе правильно действовать на этом, самом важном и невидимом уровне.

Я не ожидал от него такого выпада. Это был сильный удар по моему самоосознанию и самолюбию. Ситуация требовала, чтобы я или начал защищать себя или попросил его о более серьёзной аргументации. Я выбрал второе.

– Хорошо, – спокойно и уверенно ответил я. – Пусть моя жизненная схема неверна. Ты видишь это, и я принимаю твою помощь. Но объясни мне на этом примере. Объясни, почему так важно, чтобы я заранее представлял себе, с кем я буду играть!

– Не обязательно представлять заранее. Обязательно другое. Обязательно браться за любую вещь ответственно. Нельзя браться за молоток двумя пальцами, потому он может выско-чить и отбить тебе ногу. Нельзя брать иголку кулаком, потому что она уколет тебя. Поэтому иголку берут двумя пальцами, а молоток – пятью. Мало попросить меня обучать тебя игре. Надо представлять себе, есть у тебя на это время или возможности, чтобы делать это так, как нужно. Я не собираюсь попасть в ситуацию, в которой я спрошу у тебя, почему ты не отраба-тываешь мои уроки, а услышу в ответ, что тебе не с кем их отрабатывать. «Не с кем» в данном примере означает не только наличие таких людей, но и качество людей. Откуда ты знаешь, может быть с игрой Го связан такой круг людей, с которыми тебе вообще не зачем встречаться и иметь каких то общих дел? Вот тебе есть дело до людей, которые с семи утра ждут открытие гастронома, чтобы купить бутылку водки и таким образом начать свой день?

– Нет дела, – ответил я коротко.

– Я так и думал, – улыбнулся он. – В ситуации с Го, я имею позицию. И поэтому я дол-жен её правильно отыграть. Я не могу познакомить тебя с игрой просто так, на удачу. Я не занимаюсь этим. Я использую удачу, а не делаю на удачу то ли иное. Ты хоть знаешь, откуда вообще взялась эта игра? Кто её принёс на Землю? С какими целями? Ты хоть чтонибудь знаешь про это?

– Так это я и хотел узнать от тебя! – воскликнул я.

– Нет, – его голос был непреклонен. – Ты хотел другого!

Он смерил меня взглядом.

– Ты хотел иметь возможность профанировать знания, полученные от меня! А также иметь возможность перепроверять их с помощью тех, кто в этих знаниях не понимает ничего. И я хочу, чтобы мы с тобой сразу начали с этого. С этого лучше начать, чем закончить!

Я задумался. Неопровержимая логика звучала в его словах. Чтобы я сделал, если бы узнал, например, что его камни изготовлены из древних панцирей? Я бы описывал это своим знакомым как жареный факт. Факт, который был бы нужен мне, чтобы казаться более интерес-ным в глазах своих друзей. А по сути это не прибавило бы ничего к моему имиджу. Потому что весь мой имидж про то, как казаться, а не быть. Прото, чтобы потчевать своих друзей новыми интересными фактами. Мы же находимся с ними в негласном состязании на тему «где кто был и где что видел»! Если у меня не появляется новых фотографий на эту тему, то значит мои дела не очень, а сам я становлюсь лузером. Вот я на пляже с загорелыми девушками. А вот я катаюсь на слоне. Здесь я играю в сложную и загадочную игру камнями из панцирей и рас-суждаю о том, что такими примерно камнями играли атланты с древними жителями Лемурии. Мне пришла в голову идея, о том, что я мог бы даже написать книгу. Показывать и дарить её своим друзьям. В этой книге я бы в литературной форме обыграл истории и о том, как атланты ловили лемурийцев, и делали из них камни для Го. А лемурийцы выглядели совсем не так, как их сейчас представляют себе. Они же вели полуводный образ жизни и поэтому носили панцири, подобные черепашим. Моя мысль понеслась, и её стало трудно остановить. Я живо представил себе вкусное мясо лемурийцев, которое атланты жарят на специальных лучевых жаровнях. А из панцирей вытачивают прекрасные камни для игры. Я представил себе эти пан-цири и даже увидел, как сзади на них изображены два глаза. Нечто подобное изображению глаз на крыльях некоторых бабочек. Почему говорят, что они считают себя более совершенными,

чем мы? Спросил один из Атлантов. Чуть, ответил ему другой. Они просто мыслящие животные. Черепахи. Поэтому мы имеем полное право охотиться на них.

А лемурийцы выглядели совсем не так, как их сейчас представляют себе. Они же вели полуводный образ жизни и поэтому носили панцири, подобные черепашьим.

– Ты ещё здесь? Со мной? – Учитель с любопытством наблюдал за выражением моего лица.

– Скажи, а из чего сделан твой комплект камней для Го? – спросил я его.

– Из чего? – удивился он. – Из панцирей, конечно, из чего же ещё?

– Из панцирей? – простонал я. – Из каких панцирей?

– Из панцирей моллюсков, – ответил Учитель. – Белые камни – из панцирей. Если угодно – из раковин. Чёрные – неорганика.

– Скажи, я думаю, что ты знаешь. А из костей? Из костей никогда не вырезались камни для игры? – спросил я, повинувшись необъяснимому побуждению.

– Конечно, вырезались. На протяжении тысячелетий люди то теряли, то обретали вновь технологии обработки твёрдых камней. Поэтому кости животных, рога, панцири, зубы были очень хорошим материалом. Они сочетали в себе возможность обработки и высокие потребительские свойства. Кроме того, существовал ещё один уровень. Чтобы оценить его значимость, нужно понимать, что люди древности очень сильно отличались от нас. По сути – это была другая цивилизация. И эта цивилизация развивалась по другим законам. Материал, из которого изготавливали камни, являлся способом переноса осознания существа в другой носитель. Конкретный набор камней делался из конкретного панциря конкретного существа, – он посмотрел на меня. – Ну, хорошо, если тебе не нравится слово панцирь, давай обойдёмся без него. Если комплект камней делался из рога носорога, то этот комплект камней и был носорогом. Он сохранял его свирепость, силу и неукротимость. Только давал ему другое тело. Этот носорог теперь жил в мешочке и нёсся на своих врагов не по саванне, а по разлинованной доске. Такие комплекты, правда, имели только владыки древности. А кому кроме владык они вообще были нужны? Ведь эта игра про владычество. Про раздел земли и воды. Про владычество с помощью этих стихий. Поэтому у игры было и другое название – кости. Костями называли её не только те, кто смотрел за игрой, и чьи описания можно найти. Наблюдатель всегда опишет игру с точки зрения игрового набора. Костями её называли и те, кто в неё играл. Потому что они знали, что это за кости, и какой смысл они несут. Один комплект обычно сочетал в себе кости крупного морского животного и крупного наземного обитателя. Слона, мамонта, саблезубой кошки. Каждое из этих животных имело свои повадки и свой неповторимый характер. Кроме того, крупные старые животные самцы накапливают в течение своей жизни особую субстанцию. Особенно если это вожаки стай, выдержавшие множество битв. Это материальный носитель их особенного осознания, который содержится в их клыках, бивнях, рогах. Такие камни кости содержат это осознание столько лет, сколько существует комплект. Мастер, изготавливавший их, просверливал камни очень тонким сверлом. Представляешь себе конусообразную пирамидку, просверленную от вершины? Но камни никогда не сверлились насквозь, лишь на определённую глубину.

– А для чего сверлились костяные камни? – спросил я, заинтригованный его рассказом.

– Они сверлились для того, чтобы осознание камня кости становилось более подвижным, – ответил он. – Современные люди не знают, что такое осознание живых существ и поэтому не могут работать с ним. Люди древности были мастера этого дела! Именно это позволило им выжить на этой земле и даже отбить инопланетные вторжения.

Я был потрясён тем, насколько много удалось узнать от него, зайдя с этой неожиданной для меня стороны. Я увидел, что горизонт раз двинулся, и что конец этому расширению не просматривается. Моё воображение бурлило. Я не ожидал, что он так легко и свободно начнёт говорить о вещах, подходить к которым он не хотел и не собирался в принципе. Это окончательно утвердило меня в намерении изучать Го, особенно после того, как много интересного здесь вскрылось. Кроме этого, я много нового увидел и в себе самом. Эта новая рефлексивная позиция была просто обретением. Я действительно увидел часть схемы, о которой он говорил. И я увидел, что именно эта схема препятствует тому, чтобы глубже проникать в суть вещей

и явлений. Её отростки отделяли меня от той степени самореализации, которую я чувствовал как свою потребность. У меня остался на сегодня последний вопрос, который давно просился наружу.

– Я хочу спросить, – я дождался интервала и заполнил его этим вопросом. – Почему ты используешь японское название для этой игры?

А именно – Го?

– Японское? – он удивлённо посмотрел на меня. – А с чего ты взял, что оно японское?

– А чьё же оно?

– Го – это очень древний корень, пришедший к нам из очень древних языков. Только у человека поверхностно знакомого с евразийскими языками, может сложиться ассоциация, что «Го» – это про Японию. А откуда, думаешь, в Японии появились люди? – его взгляд смутил меня. – Хочу тебя разочаровать, они не вышли из океана. Вернее так – именно вышли. Потому что перебрались на острова с материка. Я уже несколько раз повторял тебе, что люди древности воспринимали мир не так, как его воспринимаем мы. Поэтому слова были для них больше, чем слова. Их слова были более короткими, ёмкими и звучными. Они не тараторили и не расходовали их со скоростью 5000 слов в минуту. В отличие от нас у них были хорошие учителя. Одними из таких учителей были древние хищники, с которыми люди боролись за собственное выживание. Слова имел право произносить не каждый человек, а только тот, кто в иерархии племени занимал достаточно высокое положение. Слово было прямой командой. Сказанное противнику, оно наносило ему урон. Сказанное другу, лечило и исцеляло. Команда «Го» была особой командой, она помечала, защищала и огораживала владения. Поэтому говорить Го мог даже не каждый воин, а только главный воин племени или отряда. Сейчас мы бы, пожалуй, назвали его вождём. Только он мог говорить «Го», потому что только он мог принимать решения о владениях своего племени.

Его удивительный и развёрнутый ответ породил во мне ещё один вопрос. Я немного знаком с Интернет и посмотрел кое какие материалы на эту тему. Я нашёл много интересного и по поводу названия игры. Один из авторов, которого зовут так же, как и меня, заинтриговал меня другим названием. Это название – «И». Я прочёл, что И – это древнее искусство соединения и разъединения. А также о том, что, по мнению автора сайта, И – один из древних индоевропейских корней. Дословный смысл которого весьма близок русскому соединительному союзу «и». Я решил оставить это на потом, но как-нибудь, при случае, спросить Учителя, что он думает по этому поводу. На сегодня у меня был ещё один вопрос. На одном сайте я прочёл о четырёх домах. Это сочетание слов показалось мне интересным в связи с четырьмя углами, и я решил спросить его об этом.

– Действительно, – сказал Учитель, – существует четыре Школы Го, которые можно, пожалуй, назвать четырьмя Го домами. Один из них – условно можно назвать Домом Смерти. Второй – Домом Жизни. Для обозначения третьего и четвёртого я бы использовал слова греческого языка – а именно Космос и Хаос. Первая Школа учила своих адептов тому, что самое главное – уничтожить камни противника. Эффективное или неэффективное действие рассматривалось ею только под одним углом зрения – уничтожаются камни противника или же они остаются живыми. Вторая Школа делала основной акцент на неприступности собственных камней. Непобедимость заложена в себе самом – вот её девиз! Третья и четвертая – по разному понимали устройство Вселенной. Одна считала, что хаос является первопричиной всех явлений и деяний. Адепты этой Школы были просто невообразимыми людьми! Когданибудь, возможно, я расскажу тебе о них. Четвертая Школа считала, что Вселенная глубоко упорядочена. Скорее всего, построения именно этой Школы были самыми сложными, и показались бы кому то высшим, что было разработано в Игре.

Я выслушал его с ощущением, что я поторопился задать этот вопрос. То, что он выдал мне, не было похоже ни на что из того, что я прочёл где-либо. По сути, мой вопрос был о

четырёх го домах феодальной Японии. И я надеялся, что он расскажет мне именно об этом. Его рассказ открыл какую то новую по своей масштабности панораму. Буквально несколькими фразами он смог набросать такие картины, от которых у меня словно выдуло весь воздух из лёгких. Достаточно, сказал я себе. Пусть он обучает меня этому искусству с той точки, с которой считает нужным.

Правила Го

В этой главе даются основные правила игры го. Жаль, что эти правила идут без соответствующих диаграмм. С диаграммами они были бы гораздо полезнее читателю. В конце главы приводится довольно пространственный экскурс Игоря в его пионерское детство. Хочется заметить, что городские лагеря – это не так уж плохо. И единичный отрицательный опыт автора книги, конечно же, не может служить основанием для того, чтобы считать их опасными для пребывания детей.

Эта глава появилась как результат многих заметок, сделанных в разное время после разговора с Учителем, который произвёл на меня столь глубокое впечатление. У меня накопилось большое количество записей, в том числе на разных носителях. Сначала я просто накапливал, так как не считал их объём и плотность достаточными для обработки. Затем, когда объём превысил необходимый, я начал оттягивать время, поскольку представлял, какой труд нужно в это вложить. Теперь я жалею, что не занялся ими своевременно. Первоначальный анализ позволил бы уточнить многое из того, что теперь уточнить не представляется возможным. Я думаю, что Учитель знал об этой ситуации, и, скорее всего, его план состоял в том, чтобы я на некоторые вопросы отвечал вместо него. Самостоятельно, так сказать. Поэтому не удивляйтесь, что в эту часть вошли не только правила игры, но и то, что имеет к ним лишь косвенное отношение, а также то, что к ним не имеет никакого отношения. Но поскольку мне это теперь уже некуда вставить, то я вынужден был вставить это сюда.

Я пытался дать правила настолько возможно хронологически, но, читая текст, вы почувствуете натяжку. Эти кусочки текста набраны мной из разных разговоров. И теперь они напоминают мне строение, сложенное из кирпичей разных эпох и стилей. Я оставил в этой главе некоторые воспоминания своего детства, а также описание одного из своих сражений. Возможно, я зря это сделал, и мне нужно было поступить с этим так же, как я поступил с некоторыми другими своими воспоминаниями. А именно – разорвать и сжечь на небольшом костерке. Это очень интересное зрелище – смотреть, как горят твои воспоминания. Ты пошевеливаешь их прутиком и понимаешь, что больше никогда не запишешь их.

– Всю свою жизнь я рассказываю правила Го, – вздохнул он и улыбнулся.

– Кому Вы рассказываете их, Учитель?

– Кому? – переспросил он, глядя на меня. – Себе, кому же ещё.

– Ну, например, сейчас Вы рассказываете их мне, – возразил я.

– Сейчас? – он с удивлением посмотрел на меня. – Сейчас я тоже рассказываю их себе.

Это ты думаешь, что тебе. Так построена ситуация. В этом игра. Но в этом заключена не только игра, но и сами правила. Если я буду рассказывать их тебе, а не себе, то это будет означать, что я думаю, что знаю правила. А это не так.

– Так ты сам не знаешь правила Го?

– Знаю. Но должен каждый раз рассказывать их самому себе снова и снова. Так, как будто я их не знаю.

– Давай начнем с первого, – попросил я, – я буду записывать.

– Не надо включать записывание, лучше включи понимание. Го начинается с пустой доски, это первое правило. Понимаешь ли ты его?

– Думаю, что да, – ответил я. – Что тут непонятного? Го начинается с пустой доски.

– Хорошо, – улыбнулся он, – тогда я проверю тебя. Можно? Где пустая доска, с которой начинается Го.

– Как где? – удивился я. – Да где угодно! Где стоит доска, там и пустая. Или будет пустая. Если она не пустая – надо просто снять камни, которые на ней стоят.

– Снять камни? Как у тебя всё просто. А почему мы имеем право их снять? Как они там оказались? Значит, доска была не пустая? Значит, мы нарушили первое правило? – его брови воинственно нависали над ясными синими глазами. – Ещё вопрос, если позволишь. Где была доска, когда Го учил тебя видеть?

– Сейчас, сейчас, – заторопился я, – я примерно понимаю, о чём ты. Ты хочешь сказать, что либо пещера была доской, либо я сам. Но тогда, если доской была пещера, то Го не могло начаться, так как доска была не пустая. На ней уже стояло не менее двух камней – ты и я. Так, правильно? А если доска – это я, то тогда вроде бы всё в порядке.

– Не в порядке, – возразил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.